

Ю. Л. Косенкова

Трансформации гипотетической модели человека в градостроительстве советского периода

Во многих исследованиях, посвященных повседневным практикам обычных советских людей, их интересам и устремлениям, архитектура и город рассматриваются как пространство, так или иначе формирующее жизнь целых поколений. Из контекста таких исследований неизбежно складывается сложная картина трагического несовпадения подчас самых насущных нужд городского населения и той материально-пространственной «оболочки», в которую оно вынуждено было вписывать свою жизнь. Это касалось не только существования формируемого советской властью «нового человека» в исторически сложившихся старых городах¹, но и неизбежно принимало хронический характер при любых попытках создать для такого человека совершенно новую среду жизнедеятельности².

Строить города для блага людей — таков всегда был один из важнейших лозунгов зодчих советской эпохи. Однако за семь с лишним десятилетий советской истории так и не было создано городской среды, адекватной реальным запросам того социума, с которым имели дело архитекторы и градостроители. Это обуславливалось комплексом причин: неэффективностью экономики, приоритетом военно-промышленного комплекса, финансированием гражданского строительства по «остаточному принципу», сложившейся в советских условиях социальной стратификацией общества, поддерживаемой проводимой государством жилищной политикой³. Эта совокупность факторов, наряду с задача-

ми, непосредственно ставившимися перед архитекторами властью, во многом определяла как представления профессионалов о природе и сущности самого города, так и обобщенную модель человека, на которую они ориентировались в своей проектной работе. От того, каким виделся проектировщикам человек, живущий в городе, во многом зависело качество жизни реальных горожан.

В архитектуре и тем более в градостроительстве образ человека, моделируемый культурой, не считается непосредственно, он может быть постигнут только через анализ языка форм и пространства, через понимание характера непосредственного восприятия, на которое был рассчитан проект города. Модель человека начинает проступать через реконструкцию градостроительной парадигмы того или иного этапа советской истории. Рассматривая вопрос об основе, на которой выстраивалось (а точнее, с которой расходилось) качество жизни советских людей в 1940–1980-е гг., нельзя обойтись без краткого экскурса в довоенный период, когда формировались основы советской градостроительной школы. Рассмотрим только наиболее важные, на наш взгляд, особенности гипотетического человека — жителя социалистического города, реконструируемые из теоретико-публицистических и проектных работ советского периода.

Любовь к коллективному

Приоритет коллективистского начала над личностным в советской архитектуре задавался как программная установка. Этому способствовала стихийная организация в первые послереволюционные годы бытовых коммун, связанных с преодолением трудностей выживания в условиях разрухи и голода. Новое государство увидело в вынужденном «обобществлении быта» перспективу значительной экономии средств в жилищном строительстве и постепенно возвело «коллективизм» в ранг универсальной нравственной ценности, якобы присущей «новому человеку».

В середине 1920-х гг. был сформирован заказ архитекторам на соответствующие типы жилищного строительства — от экстремальных проектов массовых домов с полностью «обобществленным бытом» и кабинками для сна до единичных домов-комплексов для советской элиты с развитой системой общественного обслуживания при наличии полноценных традиционных, фактически «буржуазных» квартир. От крайних форм «обобществления быта» отказались на рубеже 1920–1930-х гг., когда стало очевидно, что ни государство, ни возникшие в период нэпа различные формы кооперативного строительства не в состоянии справиться с этой чрезвычайно затратной задачей. Но идея «коллективизма» продолжала доминировать, что недвусмысленно разъяснялось и архитекторам, и населению, в том числе писателями⁴.

Не организацией, а скорее образным выражением коллективного быта были озабочены в 1930-е гг. и архитекторы-практики: «Используя все приемы, мы должны признать один бесспорный факт — раскрытый характер застройки

в социалистическом городе. Внешняя сторона квартала не должна служить барьером, квартал должен быть обращен к улице всем своим существом»⁵. Так и не созданные в большинстве случаев квартальные объекты «обобществленного быта», на которые не предусматривалось специального финансирования, постепенно превращались в более чем скромные магазины и детские сады, встроенные в первые этажи жилых домов.

В послевоенное десятилетие приоритет в выражении «коллективистского начала» окончательно перешел от жилища к городу в целом. Тема улицы как связующего звена между жилищем и городом стала одной из ведущих. Фронт улицы надлежало застраивать, уделяя особое внимание оформлению входов в жилой квартал. Во что выливался подобный перевод «высоких идеалов коллектива» на градостроительный язык, хорошо известно — пышно оформленные входы в жилые кварталы на деле вели в «никуда», за ними не было ни развитого жилого пространства, ни социально-бытовой организации жизни.

Образное выражение идеи коллективного в послевоенное десятилетие полностью подменило собой коллективистское начало архитектуры, идущее от реальной организации сообщества людей. Возникшая в первые послевоенные годы мысль о возможности возникновения таких коллективов вне производственного процесса — соседских сообществ, объединенных в рамках жилых «микрорайонов»⁶, объяснялась тлетворным влиянием западных идей «муниципального социализма» и жестко пресекалась⁷. Микрорайон как замкнутый социально-бытовой организм резко противопоставлялся принципу «открытости» и «проницаемости» структуры социалистического города⁸.

Радость и бодрость

Не менее наглядно можно проследить попытки экстраполяции на архитектуру и городскую среду придуманной в начале 1930-х гг. модели человека (пролетария) и якобы присущих ему качеств устойчивости, мощности, целеустремленности, простоты, бодрого и радостного отношения к жизни. Это привело к примитивизации и идеологизации профессионального языка архитекторов, низведения его к обобщенным эмоционально-бытовым понятиям, открывавшим простор для их произвольных трактовок в архитектурно-градостроительных проектах и столь же произвольной критики «с идеологических позиций». Начало этому было положено в январе — феврале 1932 г. речью А. В. Луначарского «О пролетарской архитектуре» и вскоре последовавшим за ней постановлением по итогам конкурса на Дворец Советов, где были сформулированы основные требования ко всей «пролетарской архитектуре»⁹. Архитекторам надлежало создавать произведения монументальные, живые, радостные, красивые, устойчивые, торжественные, отвечающие духу эпохи и характеру советского человека. Каждому качеству, в том числе и в жилой архитектуре, пытались приписать определенные архитектурные формы, вплоть до того, что «горизонталь-

ные “лежачие” окна противоречат выражению бодрости и наоборот, вертикальные окна всегда производят бодрое впечатление»¹⁰.

Этот способ «закрепления» смыслов за вполне материальными архитектурными элементами в определенной степени был распространен на город в целом, что, например, можно проследить на изменении отношения к Генеральному плану Москвы (1931–1935). Если сначала он воспринимался как функционально продуманный документ, то к концу 1930-х гг. на первый план вышло восприятие его как некоей универсальной художественной программы, пригодной для других советских городов. В полной мере такой подход проявил себя в послевоенном градостроительстве.

Послевоенный социалистический город приобрел некий четкий смысловой каркас, как предполагалось, служивший средством разъяснения массам социальных идей. Главная площадь со зданием Дома Советов (многочисленными репликами так и не построенного Дворца Советов) символизировала торжество идей социализма, башенки и шпили — устремленность к духовным идеалам и одновременно связь с национальными традициями, мемориал Победы — неодолимую силу духа народа, наличие парка Победы — торжество жизни над смертью, монументальность застройки — уверенность в завтрашнем дне, спрямленные магистрали — пронцаемость, доступность всего социалистического города, набережные — жизнь в единении с усмиренной человеком природой и т. д.

Безграничная духовность

Предполагаемый «новый человек», живший в рисовавшихся в 1920-е гг. социалистических городах, не существовал вне коллектива, был лишен индивидуальности. Это было существо предельно заорганизованное и несколько подавленное свалившимися на него социальными благами и достижениями науки и культуры. Но все же он рассматривался как вполне реальная «физическая единица» со всем комплексом бытовых и естественных биологических потребностей. По мере продвижения советской архитектуры в русле культуры 1930-х гг. живущий в идеальном городе человек становился все более ирреальной фигурой. Оставаясь неразличимым членом коллектива, он в то же время как бы вырастал из своей физической оболочки, и город, якобы подстраиваясь под него, приобретал увеличенный, героизированный масштаб. Отрешаясь от своей биологической природы, человек приобретал черты небывалой духовности: «Этот новый общественный человек с возросшим политическим и культурным кругозором, с полной эмоциональной жизни — именно этот человек и является исходным масштабом и модулем для всех архитектурно-пространственных габаритов и всей системы величин и их отношений»¹¹. «Не человек, не “тело”, одинаковое во все эпохи, а “функциональное поле”, окружающее человека и меняющее свои “размеры” и “очертания” в зависимости от уровня

производительных сил и от производственных взаимоотношений внутри человеческого коллектива, — вот что является мерой в архитектуре, критерием масштабности»¹².

Сложившаяся в градостроительстве 1930-х гг. модель человека в целом была перенесена и в послевоенный период. Но были и отличия. Культурой 1940-х гг. заново была открыта ценность человеческой жизни, самой возможности наслаждения безмятежностью бытия. В профессиональной лексике время от времени стало проскальзывать необычное слово «счастье». «Образ города в архитектурном проекте — всегда образ будущего счастья», — писал критик¹³. Пафос Победы, казалось бы, давал закономерный повод к конструированию образа человека, еще более героизированного и ощущающего себя частью единого общественного целого, чем это было до войны. Но проекты восстановления городов, созданные мастерами-архитекторами в 1943–1946 гг., явно ориентированы на несколько иную модель человека. В проектах Г. П. Гольца в Смоленске, Г. Б. Бархина в Севастополе, Б. М. Иофана в Новороссийске, А. В. Щусева в Истре и Туапсе человек как бы возвращается к своим естественным физическим размерам. Это скорее романтик, чем герой, скорее личность, чем неразличимая частица коллектива.

Вернувшись к своим реальным физическим размерам, гипотетический человек — житель послевоенного города, не перестал, однако, быть существом ирреальным, поскольку по-прежнему был отрешен от своего биологического естества. Образ человека, живущего в послевоенном городе, — это личность, постоянно пребывающая в состоянии безграничного духовного воспарения, созерцательного общения с природой, укрощенной и включенной в архитектурный ансамбль, в размышлениях о величии советской эпохи. Для культуры 1940-х гг. не было важным, что все это не имело отношения к реальным людям, к их повседневным заботам и качеству жизни, так же как и то, что сами проекты восстановления городов оказывались лишь исполненными языком графики мечтами о грядущем счастье, так и не воплотившимися в жизнь.

В послевоенных градостроительных проектах как никогда ранее расцвела специальная система архитектурных форм, призванных обслуживать культ эмоций всеобщего духовного благополучия. Понятие «памятник эпохи» начало складываться в довоенной советской архитектуре, но лишь после войны оно стало определяющим. Архитектурно-градостроительное творчество в это время рассматривалось прежде всего как сознательное созидание «памятников эпохи»¹⁴.

Двойственная логика градоформирования

Пытаясь проанализировать несовпадение жизненных потребностей людей, живших в советском городе конца 1930-х — начала 1950-х гг. и тех ориентиров, которые определяли состояние профессионального архитектурно-градостро-

ительного сознания, нельзя не затронуть еще один аспект: сосуществование двух противоположных подходов к формированию города. С одной стороны, концепция города как «единого ансамбля» предполагала способ его формирования как целостного произведения искусства. Эффект превращения города в «одушевленный организм», участвующий в сложной духовной жизни общества и служащий бесконечным источником эстетического наслаждения, рассматривался в рамках послевоенной концепции как главный залог человечности вновь возникающей городской среды. Однако в практике разработки генпланов городов намечались достаточно стандартные композиционные приемы, почти не связанные с характером ранее сложившейся застройки. Основное внимание уделялось одной-двум главным планировочным осям, подводящим к кульминации композиции — главной площади с Домом Советов и (или) монументом Победы.

Мероприятия по застройке парадных магистралей, вплоть до «переноса» железнодорожных и водных вокзалов на главную ось восприятия, «сноса» старого жилого фонда, «выноса» предприятий и пр., были чрезвычайно дорогостоящими, а по сложившейся еще в 1920-е гг. системе основные финансы, отпускаемые на гражданское строительство, находились в руках промышленных ведомств, у которых были свои интересы.

Пустота, образовавшаяся на месте подавленной рациональной составляющей градостроительного творчества, неизбежно заполнялась хаотичными, узко-рассудочными по своему характеру решениями и действиями множества ведомственных застройщиков, преследовавших сиюминутные цели, не учитывавших интересы города как целого и его жителей. Определяющим в формировании «массовой» городской среды был другой подход к формированию города: стихийно складывавшийся в градостроительной практике начиная со второй половины 1920-х гг. механизм возникновения города из временных барачных поселков — придатков промышленного производства. Это приводило к непоправимым ошибкам, нерациональному расходованию средств, низкому качеству жилой среды. Ситуация усугублялась внезапными решениями планирующих органов о дополнительном размещении в городах новых промышленных производств и, соответственно, резком росте населения.

При всей очевидной противоположности двух подходов нельзя не заметить, что основания и критерии формирования города в обоих случаях исходили из противоречащих друг другу задач и целей государства, оставляя вне сферы внимания реальные потребности людей; в обоих случаях город рассматривался как объект прямого волевого воздействия, вне зависимости от его индивидуальных особенностей.

В послевоенное десятилетие двойственный характер градоформирования был закреплен в еще большей степени. В то же время становилось все более очевидным, что затянувшийся на десятилетия чудовищный жилищный кризис не уменьшается, но развивается по нарастающей, а в планировке городов

из года в год увеличивается хаос, с которым не справился даже специально созданный в 1943 г. для контроля над «ансамблевой» застройкой Комитет по делам архитектуры при СНК СССР.

В этих условиях начиная с конца 1940-х гг. поиски содержательной концепции города уступили место поиску технических средств застройки городов, получивших самоценное значение. Проблема создания «города-ансамбля» официально не была снята с повестки дня, архитектурная мысль, в особенности в начале 1950-х гг., была по-прежнему занята рассуждениями о городе как едином ансамбле, но глубинный смысл государственной политики в сфере градостроительства существенно изменился.

В тисках индустриализации строительства

В годы активного «перевода строительства на индустриальные рельсы», последовавшие за известным Всесоюзным совещанием по строительству 1954 г., на котором Н. С. Хрущев произнес разгромную речь, адресованную архитекторам и строителям, казалось, все принципы и подходы, определявшие проектирование городов, поменялись на противоположные, а сам город распался на отдельные «территории», на которых экстенсивно велась застройка микрорайонов на основе заводских технологий возведения массового экономичного жилья, жесткой стандартизации и типизации. Распад целостности города был не только признан де-факто, но и введен в систему новых социальных и эстетических ценностей¹⁵.

Однако императивное начало советского градостроительства не стало объектом критического осмысления. Неутешительные, по оценкам самих современников¹⁶, итоги послевоенного восстановления и реконструкции городов, глубокое расхождение желаемого и действительного, не стали поводом для рефлексии профессионального сознания, коренного пересмотра методологии проектирования и строительства городов, включения ее в широкий контекст гуманитарных ценностей. Попытки подвести под новую городскую среду, состоящую, в силу необходимости, из стандартных «пятиэтажек», некую этическую и эстетическую «базу» («правдивость», «простота», «погружение в природу», «наполненность светом и воздухом») уже не могли произвести должного впечатления, и к рубежу 1950–1960-х гг. недовольство подобным способом градостроения проявилось как среди архитекторов, так и среди населения¹⁷.

На этот же период приходится первые, весьма разрозненные, попытки вновь осмыслить город как целое, а также соображения о той основе, на которой это целое можно выстроить. Новые представления в умах архитекторов боролись со старыми, причем не всегда успешно, как это показала первая попытка провести на страницах журнала «Архитектура СССР» нечто вроде дискуссии о методологии проектирования городов¹⁸. Участники дискуссии не нашли общего языка.

В градостроительной практике сохранялся приоритет промышленного комплекса перед интересами города, а стало быть, и перед интересами живущих в нем людей. Санитарное состояние городов продолжало ухудшаться. Подходы к решению проблемы соотношения города и промышленности не отличались принципиальной новизной: новая волна административных запретов на строительство промышленных предприятий в крупных городах, указания на необходимость «выноса» предприятий, но теперь либо в исторически сложившиеся малые города, либо в новые «города-спутники», которые должны возникнуть в будущем. Представления о том, где и как их нужно строить, в этот период только начинали складываться. То есть доминировал все тот же принцип «поселения при производстве», но в масштабе городских агломераций.

Одним из важнейших начинаний, связанных с желанием преодолеть жилищный кризис, была идея прекращения финансирования гражданского строительства по ведомственным каналам и передача его в распоряжение городских властей. Существовавшая повсеместно практика «поселкового» жилищного строительства вела к непомерному росту городских территорий, к огромным затратам на освоение новых площадок, удлинению транспортных путей и инженерных коммуникаций¹⁹. Казалось, ничто не мешало власти осуществить те цели, которые декларировались на предыдущем этапе: компактный, удобный для жизни город, созданный на единой художественной основе. На деле одна политически обусловленная, односторонне реализованная задача сменилась другой. Необходимость количественного наращивания жилого фонда, давление набиравшей значительную мощь строительной индустрии привели к парадоксальному по отношению к городу выводу. В борьбе за более экономичное использование городской территории и ограничение ее роста было принято решение, нацеленное на обратный результат: экстенсивное строительство жилых кварталов на «свободных» (а на деле отторгаемых от сельского хозяйства) территориях, удовлетворив минимальные потребности населения в жилье, сделала жизнь в городе еще более трудной. Причем такой способ градоформирования оказывался далеко не всегда экономически выгодным, потому что внутри многих крупных городов оставались незастроенные пустыри²⁰. Но стандартные решения, принятые властью, были вновь распространены на все города, независимо от их индивидуальности. При этом работа по реконструкции центров городов, едва начавшись в послевоенные годы, была остановлена.

Возвращение к модели человека — носителя идей коллективизма

На рубеже 1950–1960-х гг. советское градостроительство переживало увлечение идеями социальных преобразований посредством внедрения «новых» пространственно-планировочных структур, основанных на «обобществлении быта». Вновь происходило конструирование конкретных социальных аспектов

будущей жизни советских людей при отсутствии каких-либо исследований, которые могли бы быть положены в основу научного прогнозирования в этой области.

Если всего несколько лет назад идея микрорайона, этого жупела буржуазных идей «муниципального социализма», отпугивала гипотетической возможностью создания «замкнутой соседской общины, преследующей свои интересы», то с выдвижением партийной программы построения коммунизма к 1980 г. трактовка изменилась. «Обобществление быта» стали вновь понимать как средство воспитания коммунистической идеологии, а микрорайон, где «формируется новый бытовой коллектив», — как «росток коммунизма», в котором, как в фокусе, собрались все узловые проблемы коммунистической организации быта советских людей²¹.

Архитектор Г. А. Градов, возглавлявший одно из направлений экспериментального проектирования жилых районов, писал, что опыт «домов-коммун» должен изучаться, признавал правильным создание многоступенчатых общественных органов самоуправления для эффективного контроля над общественно-хозяйственными процессами в обслуживающих учреждениях и воспитанием детей. При таком подходе к населению микрорайона предлагалось строить все расчеты по организации системы обслуживания и общественной жизни, имея в виду исключительно лишь членов соседского коллектива, что, по подсчетам Г. А. Градова, представлялось выгодным с экономической точки зрения²². Это заставляло предъявлять жесткие требования к социальному и профессиональному составу населения микрорайона или жилого комплекса. Соседских коллективов не получилось. Население микрорайонов формировалось совершенно на других принципах. Несмотря на утопичность, идеи Г. А. Градова по организации жилых районов считались одним из ведущих направлений развития градостроительной мысли, полезным для построения общей концепции города коммунизма. Предполагалось, что на этой основе, как из клеток, может быть создана ткань всего города.

Единственным более или менее доведенным до конца экспериментом стал «Дом нового быта» в 10-м квартале Новых Черемушек (рук. Н. А. Остерман), состоявший из двух 16-этажных корпусов, соединенных по первому этажу блоком обслуживания. В квартирах, содержавших 1 или 1,5 жилых комнаты, отсутствовали кухни. Кухни самообслуживания и столовые-буфеты располагались на каждом этаже. Социальная сторона эксперимента не получилась: ДНБ смог функционировать лишь как студенческое общежитие.

Вместе с тем общая традиционная для советского градостроительства «промышленно-центристская» ориентированность города, несмотря на усилия по слову отраслевого принципа его формирования, сохраняла свои позиции. Микрорайон отнюдь не был единым объектом планирования и финансирования. Это было одной из серьезных причин, тормозивших комплексное строительство, элементарное первичное бытовое обслуживание граждан. Чем дороже

был проект микрорайона, тем большее количество утверждающих инстанций он должен был проходить²³. Поэтому многие организации, ускоряя утверждение, в обход закона дробили микрорайоны на части, исключая из рассмотрения субсидирование учреждений обслуживания. В основной массе строительства по стране эта ущербная практика перерастала в грандиозную не только архитектурную, но прежде всего социальную проблему. В 1970-е гг. эта проблема все еще дискутировалась как одна из самых актуальных²⁴.

Радость и бодрость — к «социалистическому архитектурному стилю»

Советское общество, к рубежу 1970-х гг. далеко отошедшее от этических идеалов времени оттепели, переживало разочарование направлением развития архитектуры, взятым в середине 1950-х гг. В дискуссии 1972–1973 гг. новые районы городов оценивались как «самый сильный архитектурный образ за всю историю зодчества... с отрицательным знаком». Редакция «Литературной газеты» коллекционировала многочисленные «письма трудящихся», возмущенных унылой «рейсшинной архитектурой», захлестнувшей города. Многие из писем напрямую призывали архитекторов вернуться к имитации классических форм²⁵.

Вновь встал вопрос о реконструкции заброшенных и ветшавших центральных районов городов, где амбициозные послевоенные проектные замыслы так и не были до конца воплощены. Прежде всего необходимо было решить вопрос, что собой представляет центр города в функциональном отношении. Во многом еще сохранялись старые взгляды: центр рассматривался как место для общественно-политической деятельности — парадов, демонстраций, митингов, народных гуляний в дни государственных праздников и пр.²⁶ Вместе с тем высказывалась и точка зрения, что новое функциональное наполнение центра, а также основа нового образа города в целом заключается в системе социального обслуживания, которая должна получить современную трактовку ансамбля²⁷.

С проектированием центров теперь связывалась проблема разработки «социалистического архитектурного стиля», конструирование которого должно было способствовать решению проблемы создания оптимистичного образа теперь уже коммунистического города. На прошедшем в конце 1960 г. совещании по вопросам направленности архитектурного творчества одним из ведущих признаков «социалистического архитектурного стиля» было признано стремление приблизить жизнь людей к природным условиям — не пространство среди зданий, а здания среди пространства²⁸. К середине 1960-х гг. этот тезис, как и положительная оценка приемов «свободной планировки» районов, постепенно уходят на второй план. Наоборот, говорится о том, что город не может раствориться в природе, важнейшее его качество — компактность и хорошая функциональная организованность, «понятие города неотъемлемо от принципа регулярности»²⁹.

Другое основное качество «социалистического архитектурного стиля» — правдивость выражения в художественном образе конструктивной, функциональной основы зданий — пытались применить к городу, перенося в центр приемы проектирования микрорайонов. А поскольку организовать микрорайон в согласии с действующими нормами в сложившейся исторической среде не удавалось, то выход виделся в том, чтобы убрать из центров городов функции жилища, якобы на том основании, что людям там жить неудобно.

Таким образом, в 1960-е гг. подходы к городу, к проектированию его центра, оставались противоречивыми и фрагментарными. С одной стороны, на город в целом переносились урезанные до примитивной утилитарности приемы строительства микрорайонов, с другой — в отдалении уже вновь слышался отзвук тяжелой поступи парадных официальных ансамблей.

Но был в эти годы и еще один взгляд на город и способ человеческого существования в нем — скорее поэтический, чем озабоченно-государственный. Он предполагал наличие не «населения» с его умозрительно сконструированными «потребностями», а обычного человека, просто идущего по улице и воспринимающего то, что он видит на «ближнем плане».

Культура детали, «ближнего плана», практически исчезла в новых жилых районах. Эту брешь пытались заполнить художники и архитекторы³⁰. «Общественный интерьер города», щедро украшенный произведениями декоративно-прикладного искусства, должен был компенсировать ощущение отчужденности, неизбежно возникающее в большом городе. Интерьер города призван был раскрыть перед человеком привлекательные и разнообразные условия для отдыха среди зелени, чтения на верандах читален-павильонов, для встречи с друзьями в открытом летнем кафе³¹.

Понимание «общественного» в городе как среды для беззаботного времяпрепровождения, веселья и отдыха, не могло долго удерживать позиции в советском градостроительстве. В июне 1963 г. состоялся пленум ЦК КПСС по вопросу «Об очередных задачах идеологической работы партии», на котором было сказано, что нельзя мириться с низким эстетическим качеством жилых массивов, монотонностью, безликостью их застройки. Необходимо повысить воспитательное воздействие советской архитектуры, и это одно из важнейших направлений борьбы на идеологическом фронте³².

Постепенно накапливавшаяся психологическая усталость от поставленных, но полноценно не решаемых социальных задач и необходимость срочно создать концепцию коммунистического города определили характер ситуации в советской градостроительной культуре конца 1960-х — начала 1970-х гг. Центр города вновь стал рассматриваться прежде всего как «архитектурно-образное воплощение идеалов общественного строя», а ансамбль — как «высшая форма идейно-художественной организации города», неизбежно возникающая из «планового характера советского градостроительства».

На практике попытки выстроить город на основе «мышления микрорайонами» приводили к тому, что площади, размещенные на перекрестках магистралей, превращались в транспортные узлы. Общественные центры как элементы социальной и функциональной основы архитектурно-пространственной композиции новых районов либо вовсе отсутствовали, либо встречались весьма редко. Укрупнение масштаба планировочной структуры и особенности размещения общественных центров, т. е. архитектурно-градостроительных акцентов, через 1,5–2 км (в соответствии с рекомендуемыми нормами) привели к потере архитектурно-пространственной взаимосвязи отдельных композиционных узлов и возможностей целостного восприятия городской среды человеком. Утрата соразмерного человеку пространства города обсуждалась как острая проблема не только в профессиональной, но и в общественной печати³³.

Исторический город как источник безграничной духовности

И все же на рубеже 1960–1970-х гг. было положено начало формированию новой системы взглядов на город в связи с зарождением нового научного направления — социологии урбанизации — и во многом вне привычных рамок архитектурно-градостроительной науки³⁴. Впервые была сделана попытка рассмотреть город как объект, не зависящий напрямую только от индустриализации, как объект многофункциональный и не имеющий жестких пространственных границ. Городская культура была признана самостоятельным феноменом, играющим важную роль в современном обществе; градостроительная система знаний открыла для себя случайные, субъективные и иррациональные факторы в формировании и восприятии города, признав, по крайней мере теоретически, их право на существование и необходимость считаться с ними при проектировании городов.

Эта качественно новая ситуация в формировании профессионального сознания породила совершенно новое отношение к городу не только в его традиционном для советского периода понимании, но и как к исторической среде. Исторический город впервые предстал перед проектным сознанием советского архитектора не в качестве объекта для тотального преобразования или уничтожения, а как сложное «зрелище города», обладающее своей эстетикой, как источник новых идей в осмыслении современной городской среды³⁵. В историческом опыте градостроительства искали подтверждения правильности пути развития современного города: «удивительное сочетание консервативности без охранительства и изменчивости без целенаправленного вмешательства»³⁶.

Историческая городская среда стала восприниматься архитекторами и обществом как более духовно содержательная, эмоционально насыщенная, динамика ее построения стала предметом специальных исследований³⁷. Главное, что интересовало архитекторов в эти годы в исторической среде, —

ее структурная целостность и единство художественного впечатления. Было признано, что отсутствие жестких ограничений предметного окружения, сложность, неопределенность в большей мере соответствуют психологическим особенностям человека, чем упрощенность. Пришло понимание того, что привлекательная среда может быть достигнута не только на пути скрупулезного калькулирования, а скорее за счет некоторой незаконченности среды, открытости, дающей возможность для потребительских интерпретаций, для проявления индивидуальности³⁸.

Интеллектуализация градостроительных знаний: на пути к многомерной модели человека

Процесс интеллектуализации, охвативший самые различные сферы человеческой деятельности, отразился и в понимании города. Развитие городов впервые в советской истории было связано с урбанизацией в широком смысле слова — как с многосторонним общественным процессом, вызывающим изменения в самых разнообразных сферах жизни общества — социальной структуре, демографических тенденциях, образе жизни, семье, способах проведения досуга и т. д.³⁹ Отмечалось, что города все в большей степени играют роль культурных и информационных центров и эта роль усиливается, многофункциональность города становится основной его чертой. Город стал рассматриваться как система коммуникаций, поле человеческих взаимодействий, пространство выбора.

В 1970-е гг. стало понятно, что градостроительная наука не может оставаться в рамках описательных, эмпирических представлений, а градостроительству не хватает теоретической глубины и методологической культуры. По мнению архитектора и теоретика градостроительства А. Э. Гутнова, именно дефицит теоретических построений нового типа, опирающихся на знание общих закономерностей создаваемой человеком искусственной среды, не давал возможности получить обоснованные и эффективные практические рекомендации. А. Э. Гутнов, пожалуй, наиболее полно сформулировал те теоретические, фундаментальные проблемы архитектуры и градостроительства, которые настоятельно требовали пересмотра⁴⁰.

Намеченная Гутновым программа исследований фундаментальных взаимосвязей пространства, функции и времени, пространственного восприятия архитектурных объектов, соотношения структуры и формы, смыслового контекста архитектурного образа, жизненной среды и интенсивности ее пространственного освоения, природы архитектурного проекта как стратегии реализации и т. п., безусловно, давала импульс к созданию новой интегральной науки о городе, в центре которой оказывалось совершенно новое, далекое от примитивизации и умозрительного конструирования предыдущих лет, представление о человеке.

В конце 1970-х — на рубеже 1980-х гг. вновь происходили заметные сдвиги в осмыслении города. В дискуссии на страницах журнала «Декоративное искусство СССР» выяснилось, что понятие «городская среда» в значительной мере утратило свой узкий служебный смысл как обозначение градостроительного окружения и стало ключевым при обсуждении проблем современного города. Оно приобрело значение универсальной категории, сопоставимой с понятием «стиль», но противоположной ей по смыслу. Важной вехой времени стало и признание того, что необходимы механизмы сближения архитектуры города с человеческими ожиданиями и предпочтениями, культурными нормами и ценностями; сознание массового потребителя впервые в советской архитектуре было признано не объектом профессионального манипулирования, а реальной силой (во многом совершенно неизученной), с которой следует считаться.

Однако качественные изменения в профессиональном сознании совсем не означали, что существенно изменились условия архитектурно-градостроительной деятельности, десятилетиями складывавшиеся в стране, а следовательно, продолжали свое существование и многие сформировавшиеся в проектировании и застройке городов стереотипы. И хотя расхождение между проектом города и его реализацией в это время было впервые признано не следствием случайных факторов, а свойством, вытекающим из самой методологии градостроительного проектирования, принятой в предыдущие десятилетия, и неверных методов управления застройкой городов, до практического пересмотра самих основ градорегулирования было очень далеко.

1980-е гг. можно было бы обозначить как время укоренения постиндустриальной установки советского архитектурно-градостроительного сознания⁴¹. Однако наряду с этим советский архитектор 1980-х гг. прекрасно отдавал себе отчет в своей зависимости от индустриальных технологий. Это противоречие особенно остро даст о себе знать с началом перестроечных процессов в стране, когда на фоне так и не преодоленного тяжелого жилищного кризиса и обострения социальной напряженности стало ясно, что дальнейшее движение по упрощенному пути конвейера ведет в тупик, но в то же время волевая перестройка всего гигантского градостроительного процесса на новых, до конца еще не ясных основах (например, споры о градостроительном законодательстве не утихают и сегодня), слишком трудна, требует огромных средств для исследований и большого времени.

Экологический город (в том широком понимании, какое сложилось в теории еще в 1970-е гг.) — город очеловеченный, гуманизированный, органически соответствующий потребностям человека и столь же органически включающий его в природное окружение, и сегодня все еще во многом остается притягательной мечтой о будущем.

- ¹ *Измозик В. С., Лебина Н. Б.* Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве. 1920–1930-е годы. (Социально-архитектурное микроисторическое исследование). СПб.: Крига, 2010.
- ² *Хан-Магомедов С. О.* Архитектура советского авангарда: в 2 кн. Кн. 1. Мастера и течения. М.: Стройиздат, 1996; Кн. 2. Социальные проблемы. М.: Стройиздат, 2001.
- ³ *Меерович М. Г.* Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР. 1917–1941: Дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2004.
- ⁴ *Шагилян М.* Проблема жилья // Архитектура СССР. 1934. № 11. С. 4–5.
- ⁵ *Мостиков А.* Квартал в системе города // Архитектура СССР. 1940. № 9. С. 4–6.
- ⁶ *Косенкова Ю. Л.* Конкурс на составление экспериментальных проектов жилого микрорайона города 1945–1946 гг. // Архитектурное наследие. Вып. 40. М., 1996. С. 177–184.
- ⁷ Стенограмма XII пленума правления ССА СССР. 30 июля – 2 августа 1947 г. // РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Л. 226–227.
- ⁸ Сводное заключение по экспериментальным проектам жилых микрорайонов города. 1946. 18 декабря // РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 194.
- ⁹ *Селиванова А. Н.* Проблема деформации языка советской архитектурной теории на рубеже 1920–1930-х гг. Попытка семантического анализа // Архитектурно-градостроительный процесс. Регламентация и свобода / Отв. ред. И. А. Бондаренко. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 349–355.
- ¹⁰ Цит. по: *Селиванова А. Н.* Проблема деформации языка советской архитектурной теории на рубеже 1920–1930-х гг. С. 354.
- ¹¹ *Балихин В. С.* Вопросы архитектуры ансамбля жилого комплекса и магистрали социалистического города // Академия архитектуры. 1935. № 6. С. 5–13.
- ¹² *Покшишевские В. и С.* Эстетические задачи планировки городов // Архитектура СССР. 1934. № 12. С. 35–43.
- ¹³ *Соколов Н.* Архитектурный образ города. Заметки о проектах центров городов советского юга // Архитектура СССР. 1947. Вып. 14. С. 9–15.
- ¹⁴ *Макарова Г. С.* «Памятники эпохи» в советской архитектуре конца 40-х – начала 60-х гг.: Дис. ... канд. арх. М., 1992.
- ¹⁵ Стенограмма Второго съезда СА СССР. Доклад В. А. Шкварикова // РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 3. Д. 201. Л. 66–67.
- ¹⁶ *Кузнецов А.* Творческие итоги восстановления городов РСФСР // Архитектура СССР. 1956. № 6. С. 1–13.
- ¹⁷ *Крайняя Н. П.* Эстетика типовой застройки 1960-х годов глазами ее проектировщика // Эстетика «оттепели»: новое в архитектуре, искусстве, культуре / Под ред. О. В. Казаковой. М.: РОССПЭН, 2013. С. 76–80.
- ¹⁸ *Касьянов А.* Некоторые спорные вопросы в застройке городов // Архитектура СССР. 1957. № 1. С. 22–25.
- ¹⁹ *Бабуров В. В.* О разработке генеральных планов и практике застройки городов // Архитектура СССР. 1955. № 2. С. 9–16.
- ²⁰ Первоочередные задачи градостроителей // Архитектура СССР. 1957. № 3. С. 1–4.
- ²¹ *Баранский А.* Некоторые вопросы формирования жилых микрорайонов // Архитектура СССР. 1960. № 7. С. 27–28.
- ²² *Градов Г.* Этапы развития системы коллективного расселения в городах // Архитектура СССР. 1961. № 6. С. 36–45.
- ²³ *Посохин М.* Город будущего создается сегодня // Правда. 1964. 26, 28 июля; 2, 7 августа.
- ²⁴ *Аитов Н.* Желанная горизонталь // Литературная газета. 1975. № 34. 20 августа. С. 10.
- ²⁵ *Соколов Н.* Выбор пути // Литературная газета. 1975. № 7, 12 февраля. С. 11.
- ²⁶ *Баранов Н.* Современное градостроительство // Архитектура СССР. 1958. № 10. С. 17–49.
- ²⁷ *Тасалов В.* Некоторые проблемы развития современной архитектуры // Архитектура СССР. 1961. № 6. С. 50–53.
- ²⁸ *Абросимов П., Ходжаев Д.* Некоторые вопросы творческой направленности советской архитектуры на современном этапе // Архитектура СССР. 1961. № 2. С. 5–9.

- ²⁹ Баранов Н. Архитектурно-художественные вопросы градостроительства // Архитектура СССР. 1960. № 11. С. 13–19.
- ³⁰ Базазьянц С. Приметы Большой Москвы // Декоративное искусство СССР. 1960. № 11. С. 22–24.
- ³¹ Швидковский О. Художник и город // Декоративное искусство СССР. 1960. № 12. С. 19–22.
- ³² Идеологические задачи советской архитектуры. [Передовая] // Архитектура СССР. 1964. № 6. С. 1–2.
- ³³ Бархин М. Гулливер в городе великанов? // Литературная газета. 1974. № 11, 13 марта. С. 10.
- ³⁴ Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции // Архитектура СССР. 1969. № 9. С. 62–63.
- ³⁵ Иконников А. Старое и новое в композиции города // Архитектура СССР. 1968. № 11. С. 19–25.
- ³⁶ Капелян Г. Новый смысл старого города // Декоративное искусство СССР. 1967. № 7. С. 12–16.
- ³⁷ Беляева Е. Л. Архитектурно-пространственная среда города как объект зрительного восприятия. М.: Стройиздат, 1977.
- ³⁸ Ермолаев А. П. Социально-культурные аспекты художественного конструирования предметной среды. Дис. ... канд. арх. М., 1974.
- ³⁹ Коган Л. Культура и города // Архитектура СССР. 1973. № 1. С. 52–53.
- ⁴⁰ Гутнов А. Несколько нерешенных проблем современной архитектурной теории // Архитектура СССР. 1973. № 10. С. 50–54.
- ⁴¹ Глазычев В. Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. М.: Наука, 1984.

References

- ABROSIMOV P., HODZHAEV D. *Nekotorye voprosy tvorcheskoy napravlenosti sovetskoj arhitektury na sovremennom etape* // Arhitektura SSSR. 1961. No. 2. S. 5–9.
- АЙТОВ N. *Zhelannaya gorizontal'* // Literaturnaya gazeta. 1975. No. 34, 20 avgusta. S. 10.
- BABUROV V. V. *O razrabotke general'nyh planov i praktike zastrojki gorodov* // Arhitektura SSSR. 1955. No. 2. P. 9–16.
- BALIHIN V. S. *Voprosy arhitektury ansamblya zhilogo kompleksa i magistrali socialistsicheskogo goroda* // Akademiya arhitektury. 1935. No. 6. S. 5–13.
- BARANOV N. *Arhitekturno-hudozhestvennye voprosy gradostroitel'stva* // Arhitektura SSSR. 1960. No. 11. S. 13–19.
- BARANOV N. *Sovremennoe gradostroitel'stvo* // Arhitektura SSSR. 1958. No. 10. S. 17–49.
- BARANSKIY A. *Nekotorye voprosy formirovaniya zhilyh mikrorajonov* // Arhitektura SSSR. 1960. No. 7. S. 27–28.
- BARHIN M. *Gulliver v gorode velikanov?* // Literaturnaya gazeta. 1974. No. 11, 13 marta. S. 10.
- BAZAZ'YANC S. *Primety Bol'shoj Moskvy* // Dekorativnoe iskusstvo SSSR. 1960. No. 11. S. 22–24.
- BELYAEVA E. L. *Arhitekturno-prostranstvennaya sredagoroda kak ob'ekt zritel'nogo vospriyatiya*. Moscow: Strojizdat, 1977.
- ERMOLAEV A. P. *Social'no-kul'turnye aspekty hudozhestvennogo konstruirovaniya predmetnoj sredy*: Dis. ... kand. arh. Moscow, 1974.
- GLAZYCHEV V. L. *Social'no-ekologicheskaya interpretaciya gorodskoj sredy*. Moscow: Nauka, 1984.
- GRADOV G. *Etapy razvitiya sistemy kollektivnogo rasseleniya v gorodah* // Arhitektura SSSR. 1961. No. 6. S. 36–45.
- GUTNOV A. *Neskol'ko nereshennyh problem sovremennoj arhitekturnoj teorii* // Arhitektura SSSR. 1973. No. 10. S. 50–54.

- HAN-MAGOMEDOV S. O. *Arhitektura sovetskogo avangarda*: v 2 kn. Kn. 1. Mastera i techeniya. Moscow: Strojizdat, 1996; Kn. 2. Social'nye problemy. Moscow: Strojizdat, 2001.
- Ideologicheskie zadachi sovetskoj arhitektury*. [Peredovaya] // Arhitektura SSSR. 1964. No. 6. S. 1–2.
- IKONNIKOV A. *Staroe i novoe v kompozicii goroda* // Arhitektura SSSR. 1968. No. 11. S. 19–25.
- IZMOZIK V. S., LEBINAN. B. *Peterburgsovetskij: "novyj chelovek" v starom prostranstve. 1920–1930-egody*. (Social'no-arhitekturnoe mikroistoricheskoe issledovanie). St. Petersburg: Kriga, 2010.
- KAPELYAN G. *Novyj smysl starogo goroda* // Dekorativnoe iskusstvo SSSR. 1967. No. 7. S. 12–16.
- KAS'YANOV A. *Nekotorye spornye voprosy v zastrojke gorodov* // Arhitektura SSSR. 1957. No. 1. S. 22–25.
- KOGAN L. *Kul'tura i goroda* // Arhitektura SSSR. 1973. No. 1. S. 52–53.
- KOSENKOVA YU. L. *Konkurs na sostavlenie eksperimental'nyh proektov zhilogo mikrorajona goroda 1945–1946 gg.* // Arhitekturnoe nasledstvo. Vyp. 40. Moscow, 1996. S. 177–184.
- KRAJNYAYA N. P. *Estetika tipovoj zastrojki 1960-h godov glazami ee proektirovshchika* // Estetika "ottepeli": novoe v arhitekture, iskusstve, kul'ture / Pod red. O. V. Kazakovoj. Moscow: ROSSPEN, 2013. S. 76–80.
- KUZNECOV A. *Tvorcheskie itogi vosstanovleniya gorodov RSFSR* // Arhitektura SSSR. 1956. No. 6. S. 1–13.
- MAKAROVA G. S. *"Pamyatniki epohi" v sovetskoj arhitekture konca 40-h — nachala 60-h gg.*: Dis. ... kand. arh. Moscow, 1992.
- MEEROVICH M. G. *Social'no-kul'turnye osnovy osushchestvleniya gosudarstvennoj zhilishchnoj politiki v RSFSR. 1917–1941*: Dis. ... d-ra ist. nauk. Irkutsk, 2004.
- MOSTAKOV A. *Kvartal v sisteme goroda* // Arhitektura SSSR. 1940. No. 9. S. 4–6.
- Pervoocherednye zadachi gradostroitelej* // Arhitektura SSSR. 1957. No. 3. S. 1–4.
- POKSHISHEVSKIE V. i S. *Esteticheskie zadachi planirovki gorodov* // Arhitektura SSSR. 1934. No. 12. S. 35–43.
- POSOHIN M. *Gorod budushchego sozidaetsya segodnya* // Pravda. 1964. 26, 28 iyulya; 2, 7 avgusta.
- SELIVANOVA A. N. *Problema deformacii yazyka sovetskoj arhitekturnoj teorii na rubezhe 1920–1930-h gg. Popytka semanticheskogo analiza* // Arhitekturno-gradostroitel'nyj process. Reglamentaciya i svoboda / Otv. red. I. A. Bondarenko. Moscow: LENAND, 2013. S. 349–355.
- SHAGINYAN M. *Problema zhil'ya* // Arhitektura SSSR. 1934. № 11. S. 4–5.
- SHVIDKOVSKIJ O. *Hudozhnik i gorod* // Dekorativnoe iskusstvo SSSR. 1960. No. 12. S. 19–22.
- SOKOLOV N. *Arhitekturnyj obraz goroda. Zametki o proektah centrov gorodov sovetskogo yuga* // Arhitektura SSSR. 1947. Vyp. 14. S. 9–15.
- SOKOLOV N. *Vybor puti* // Literaturnaya gazeta. 1975. No. 7, 12 fevralya. S. 11.
- TASALOV V. *Nekotorye problem razvitiya sovremennoj arhitektury* // Arhitektura SSSR. 1961. No. 6. S. 50–53.
- Urbanizaciya i rabochij klass v usloviyah nauchno-tekhniceskoy revolyucii* // Arhitektura SSSR. 1969. No. 9. S. 62–63.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Ю. Л. Косенкова. Трансформации гипотетической модели человека в градостроительстве советского периода // Петербургский исторический журнал. 2022. № 4. С. 72–89

Аннотация: Исторические исследования последних десятилетий, посвященные практикам повседневности советского человека, выявили удручающую картину хронического несовпадения интересов, потребностей и подчас самых насущных нужд людей с характером окружающей материально-пространственной среды. В статье эта ситуация рассматривается как бы с противоположной стороны — каковы были позиции профессионального сообщества советских архитекторов-градостроителей, создававших эту среду. Показано, что противоречивые политические, экономические, технические и другие факторы, влиявшие на советское градостроительство, в условиях подавления развития комплекса социальных наук, в значительной степени определили совершенно неадекватную модель человека, на которую ориентировались архитекторы в своей проектной деятельности. Проанализированы основные, по мнению автора, черты, приписываемые такому гипотетическому человеку, а также попытки их интерпретации на разных этапах советской истории. Несмотря на определенные подвиги

в профессиональном сознании 1970–1980-х гг. относительно природы взаимоотношений города и социума, в практике современного градостроения многие нерешенные проблемы жизни человека в городе сохраняют свою актуальность.

Ключевые слова: качество жизни советского человека, жилые микрорайоны, застройка центров городов, образ города, подходы к проектированию городов.

FOR CITATION

Yu. L. Kosenkova Transformations of the hypothetical model of human in urban planning of the Soviet period // Petersburg Historical Journal, no. 4, 2022, pp. 72–89

Abstract: Recent decades of historical studies devoted to the everyday practices of a Soviet individual have revealed a depressing picture of a chronic discrepancy between the interests, needs and sometimes the most pressing demands of people and the nature of surrounding city environment. In the article, this situation is considered as if from the opposite side — what were the positions of the professional community of Soviet architects and urban planners who created said environment. It is shown that contradictory political, economic, technical etc. factors that influenced Soviet urban planning, in combination with the suppression of the development of social sciences, largely determined a completely inadequate “model of human”, which architects focused on in their planning activities. The author analyzes the main features attributed to such a hypothetical person, as well as attempts to interpret them at different stages of Soviet history. Despite certain shifts in professional consciousness of the 1970s and 1980s regarding the nature of the relationship between society and the city, many unresolved problems of human life in the city remain relevant in the practice of modern urban planning.

Key words: quality of life of a Soviet individual, residential neighborhoods, development of city centers, city image, approaches to city design.

Автор: **Косенкова, Юлия Леонидовна** — доктор архитектуры, член-корр. Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН), член Союза архитекторов, главный научный сотрудник филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ).

Author: **Kosenkova, Yulia Leonidovna** — Doctor of Architecture, Senior Researcher, Associate Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, Honorary Architect of Russia, member of the Union of Architects; Chief researcher of the Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (NIITIAG).

E-mail: jkosenkova@yandex.ru